

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.127-136

А. В. Корнев*

Методологические основания изучения истории политических и правовых учений¹

Аннотация. Политические и правовые доктрины играют большую роль в жизни государственно организованного общества. Особенно заметно влияние идей, а скорее, их борьба в современном мире. Если ранее общественное сознание еще как-то подпитывалось иллюзиями определенного рода, то сегодня этого нет. Как нет больше никаких иллюзий. Все предельно четко обозначено. Согласие с влиянием идей на практику государственно-правового строительства, а более широко — всей системы международных отношений неизбежно порождает вопросы о методологических основаниях политико-правовых доктрин и методологическом инструментарии, который используется в современной юридической науке.

В системе юридических дисциплин история политических и правовых учений занимает особое место. Эта особенность связана с ее методологическими функциями. В статье сделан акцент на том, что, с одной стороны, история политических и правовых учений как составная часть теоретико-исторических правовых наук использует методы познания, которые являются общими для различных отраслей научного знания, а с другой стороны, данная научная дисциплина обладает собственным научным потенциалом. Именно это сближает ее с всеобщей теорией права и государства в качестве ее истории и одновременно отграничивает от других юридических наук, прежде всего отраслевых, которые не имеют собственного методологического инструментария. Автором констатируется наличие у истории политических и правовых учений собственных методологических оснований для изучения политико-правовой мысли. Кроме методологической составляющей, затрагивается и проблема возрастающей роли истории политических и правовых учений.

Ключевые слова: доктрина; идея; история; метод; методология; наука; теория; учение; философия; юриспруденция.

Для цитирования: Корнев А. В. Методологические основания изучения истории политических и правовых учений // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 5. — С. 127–136. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.127-136.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

© Корнев А. В., 2022

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kornev_av@rambler.ru

Methodological Foundations for the History of Political and Legal Doctrines Study²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kornev_av@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the methodological foundations of the study of the history of political and legal thought. Political and legal doctrines play an important role in the life of a state-organized society. The influence of ideas is especially noticeable, but rather their struggle in the modern world. If earlier the public consciousness was somehow fueled by illusions of a certain kind, today it is not. As there are no more illusions. Everything is very clearly marked. Agreement with the influence of ideas on the practice of state legal construction, and more broadly, the entire system of international relations, inevitably raises questions about the methodological foundations of political and legal doctrines and methodological tools that are used in modern legal science.

The history of political and legal doctrines occupies a special place in the system of legal disciplines. This feature is related to its methodological functions. The paper focuses on the fact that the history of political and legal doctrines as an integral part of the theoretical and historical legal sciences, on the one hand, uses methods of cognition that are common to various branches of scientific knowledge, and on the other hand, this scientific discipline has its own scientific potential. This is what brings it closer to the general theory of law and the state as its history and at the same time separates it from other legal sciences, primarily branch sciences, which do not have their own methodological tools. The paper states that the history of political and legal doctrines has its own methodological foundations for the study of political and legal thought. In addition to the methodological component, the paper also touches on the problem of the increasing role of the history of political and legal doctrines.

Keywords: doctrine; idea; history; method; methodology; science; theory; teaching; philosophy; jurisprudence.

Cite as: Kornev AV. Metodologicheskie osnovaniya izucheniya istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [Methodological Foundations for the History of Political and Legal Doctrines Study]. *Lex russica*. 2022;75(5):127-136. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.127-136. (In Russ., abstract in Eng.).

В системе юридических дисциплин история политических и правовых учений занимает особое место. Эта особенность связана с ее методологическими функциями. Не только теория государства и права является методологической дисциплиной. Ее методологический статус связан прежде всего с тем, что она формирует понятийный аппарат юридической науки. Во всяком случае, такая позиция некогда доминировала в доктрине.

Сегодня отечественная юридическая наука переживает не лучшие времена. Многие ученые говорят о кризисе права и кризисе юридической науки. С первым мнением согласиться не представляется возможным. За этими заявлениями не просматривается заслуживающей внимания аргументации. Закон есть инструмент в руках государства, а у инструментов никаких кризисов не может быть по определению. Если и есть кризис в этой части, то его можно обнаружить лишь у того, кто этим инструментом пользуется. Иными словами, мы можем гово-

рить только о кризисе государства или кризисе государственного управления.

С наукой все значительно сложнее. Очевидным фактом является постепенное угасание связей между юридическими дисциплинами. Уходит в прошлое методологическая культура исследователей, а с ней и профессиональный язык юриспруденции. Речевая культура современного юриста оставляет желать лучшего. Мало остается ученых и практиков, которые могут демонстрировать владение на должном уровне понятийно-категориальным аппаратом, без освоения которого настоящим юристом стать невозможно. Многим так и хочется все выразить *своими словами*, избегая использования сложных конструкций и категорий, или и того хуже, с помощью жаргонизмов и англицизмов.

История имеет обыкновение повторяться. Примерно такие же процессы происходили в дореволюционной России в конце XIX — начале XX в. Известный русский юрист Г. Ф. Шерше-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00779.

невич констатирует: «Все сильнее становится ощутительной разрозненность специальных наук в среде самого правоведения. Надо признаться, что нет более юристов, а имеются только цивилисты, криминалисты, государственоведы, процессуалисты, канонисты. Все реже встречаются лица, способные составить себе имя не в одной, а в двух отраслях правоведения. При таком развитии специализации получается опасность для каждой юридической науки, во-первых, в возрастающей ограниченности поля зрения на правовой порядок общежития и, во-вторых, в возрастающей ограниченности задачи изучения отдельных норм вне связи с оценкой общественного значения права. Разобщение юридических наук между собой отражается губительно на теоретическом и практическом правоведении»³.

В данном случае трудно воздержаться от комментариев. Возникает ощущение, что эти строки были написаны не 110 лет тому назад, а буквально вчера. Методологический потенциал истории политических и правовых учений проявляется в синтезировании разрозненных правовых знаний. Ценность учений о праве и государстве проявляется в их апробации. Доктрины не создаются только для того, чтобы изложить свое видение той или иной политико-правовой проблемы. Творцы идей всегда старались воплотить их в жизнь, в реальные политические практики. Кроме овладения различными знаниями, тот, кто изучает историю политических и правовых учений, получает определенные методологические навыки, позволяющие оценивать их практический потенциал.

Сегодня можно услышать мнения относительно отставания общей теории права и государства от жизни, от отраслевых юридических наук, а чаще всего — от того и другого. В принципе, можно с этим отчасти согласиться. Тем не менее в отраслевых науках происходят более серьезные процессы, связанные с низким уровнем методологической подготовки, владением понятиями, конструкциями и категориями. В отраслевых исследованиях значительный объем текста занимают легальные дефиниции и нормы права, а также судебная практика, а вот научного языка, стиля, мышления, умения обобщать разрозненный материал явно не

хватает. Причин тому много. Нет смысла на них останавливаться.

Особое место истории политических и правовых учений в системе юридических дисциплин обусловлено тем, что она так же, как теория права и государства, имеет методологический статус. Применительно к данной научной дисциплине методологию следует рассматривать в узком и широком смысле. В узком — это те методы, приемы, способы, которые используются для изучения политико-правовых доктрин. В широком смысле методологический потенциал истории политических и правовых учений состоит в том, что за всю историю своего существования политическая и правовая мысль объективировалась в различных доктринах, концепциях, парадигмах, теориях, взглядах. Все это представляет собой теоретический уровень знания. Эти доктрины внедрялись в реальную практику государственного строительства. Миром правят идеи. На данную роль могут претендовать всего три из их великого множества: социализм, либерализм, консерватизм. Все другие — всего лишь нюансы, и только. О единстве и борьбе этих доктрин вольно или невольно выразился Антониу де Оливейра Салазар, университетский профессор и авторитарный правитель Португалии, который утверждал, что «в отличие от демократии, проповедующей “свободу без власти”, и тоталитаризма, навязывающего “власть без свободы”, его режим способен дать синтез “власти и свободы”»⁴. Эта идея нашла свое выражение в модели корпоративного государства. Данный тип государства, по его мнению, способен примирить противоречия, сплотить общество: «Почему мы за корпоративную организацию? Потому что нам представляется, что она может привести к желанному синтезу интересов, способна предоставить квалифицированным представителям место встречи, дать возможность достичь взаимопонимания, заменить классовую борьбу»⁵.

Архитектор «Нового государства» Салазар остался в памяти как самый великий португалец, заняв первое место с большим отрывом в результате опроса, проведенного через 47 лет после его смерти. Данные о многочисленных жертвах режима Салазара его сторонников несколько не смутили. Есть над чем задуматься.

³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права : в 2 т. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1911. Т. 1. С. 16.

⁴ Цит. по: Поляков А. К. Португалия. Полная история страны. М. : АСТ, 2021. С. 307.

⁵ Поляков А. К. Указ. соч.

Характеризуя историю политических и правовых учений, Е. А. Фролова верно подмечает, что она создает модели теоретического познания государства и права и потому выступает как школа альтернативного мышления. Ориентируясь на программную часть концепции, разновидности теоретического знания, Е. А. Фролова подчеркивает: «В методологическом плане важно, чтобы в рамках истории политических и правовых учений происходило **целостное восприятие концепции**»⁶.

Хотелось бы обратить внимание на интерпретацию истории политических и правовых учений как школу альтернативного мышления. Тем особенно хороша данная отрасль научного знания, что она предполагает наличие выбора. Мир идей есть поле жесточайшей конкуренции. Мы можем наблюдать в данном случае не только столкновение различных мнений, но и буквально войну, порой направленную на уничтожение своих теоретических, а стало быть, политических оппонентов. Государство и право были, есть и всегда будут в фокусе политики. Избежать политизированности применительно к государствоведению, а в ряде случаев и к правоведению, не представляется возможным. Проблема касается соотношения истинности учения и альтернативного подхода. Представляется правильным смотреть на политико-правовые институты с конкретно-исторических позиций, иными словами, соотносить учение с той эпохой, в которой оно появилось. Доказывать Платону и Аристотелю отвратительность института рабства было бы делом совершенно бесполезным. Для них данная проблема не была поводом для дискуссий. Правда, в настоящее время можно встретить работы, в которых авторы пытаются доказывать, что великих философов античной Греции «не так поняли». Что ж, прием известный, многократно апробированный.

Главным методологическим основанием изучения истории политических и правовых учений является ответ на вопрос: что представляют собой идеи, концепции, теории? В этом направлении и нужно рассуждать. Выбор конкретных методов или методологических подходов, применяемых в ходе изучения политико-правовых идей, — несколько иная задача. Речь в контексте проблемы, вынесенной в название статьи, должна вестись о при-

роде теоретического знания. Иными словами, первоначально необходимо определиться, что представляют собой идеи. Форма их выражений может быть разной: диалоги, письма, памфлеты, трактаты, сочинения и пр. Е. Н. Трубецкой высказался по иному поводу, но уместно провести аналогию: «Пока мы не выясним себе, что такое право вообще, все наши суждения о тех или других конкретных видах права будут страдать неясностью, отсутствием определенного суждения, относящегося к той или другой области юриспруденции... может возникнуть сомнение, представляет ли оно собой действительные суждения о праве или о чем-то другом, что не есть право»⁷.

Из этого совершенно правильного суждения можно сделать два очевидных вывода. Во-первых, в рамках истории политических и правовых учений определиться с тем, что представляет собой право, трудно. Если вообще возможно. Мы получим сотни ответов. То же самое можно сказать и о государстве. И у нас, и в западной науке предпринимались попытки создания комплексной научной дисциплины — государствоведения. В этом контексте вел плодотворные научные разработки В. Е. Чиркин. Во-вторых, относительной определенности можно добиться лишь в том случае, если мы вскроем природу различных форм теоретического знания (обобщая, учений или идей). Условимся, что «идея» будет восприниматься как первичный элемент, «первокирпичик» в истории политических и правовых учений.

Но как воспринимать идею? Что она представляет собой? На эти вопросы довольно сложно давать ответы. А между тем именно они, то есть ответы, и дают нам некое методологическое основание, на основе которого мы не просто вникаем в суть идей, но можем с той или иной степенью определенности говорить об их сути.

Как и многие категории, без которых трудно представить себе процесс познания, «идея» (idea) — то, что видно, образ — философский термин, обозначающий *смысл, значение, сущность* и тесно связанный с категориями мышления и бытия⁸.

В методологическом плане идея, как следует из приведенной философской позиции, относится сразу и к категориям мышления, и к

⁶ Фролова Е. А. Рациональные основания права. Классика и современность. М. : Проспект, 2020. С. 55, 58.

⁷ Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 288.

⁸ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Политиздат, 1981. С. 124.

бытию, причем в самом широком смысле этого слова.

Те изменения, которые произошли в современной философии, особенно в ее российском варианте, лишают нас некоторой методологической определенности. Никто уже не ищет истину, не пытается решить «главный философский вопрос» по причине якобы того, что его не существует, ну и прочее. Когда по старой привычке юристы обращаются к философии в надежде увидеть там «верный» путь решения проблемы или понимания какого-либо явления, то делают это совершенно напрасно. Сегодня там трудно искать определенность. Философия может себе позволить такую онтологическую и гносеологическую вольность, а вот юриспруденция — нет.

В прежней — классической — философии все явления расценивались с позиции либо идеализма (субъективного или объективного), либо материализма, точнее, диалектического материализма. В первом случае всякое познание сводится к ощущениям, творческому началу, создающему мир (реальность). Гениальный М. Ю. Лермонтов с явной иронией сформулировал: «В уме я создал мир иной». Г. В. Ф. Гегель является наиболее ярким представителем объективного идеализма. Его философская система строится на тождестве бытия и мышления. «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно». И далее: «Итак, данная работа, поскольку в ней содержится наука о государстве, будет попыткой постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе... Задача философии — постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум»⁹.

Отсюда проистекают его призывы к тому, чтобы человек в праве нашел свой разум. Лозунг, конечно, хороший, однако возникает множество «но». Особенно в настоящее время, когда хаотизация общественных процессов практически становится нормой бытия общества.

А вот материалистическая позиция принципиально иная. Определяющую роль в жизни общества играет способ производства материальной жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс предложили своеобразную конструкцию в виде материального базиса (производительные силы и производственные отношения) и надстройки. Это всего лишь прием, не более, но прием до-

статочно убедительный. Право и государство, а соответственно, идеи и учения, в которых отражаются взгляды на их сущность, относятся к надстроечным явлениям. Они есть порождение способа производства материальной жизни. В то же время идеи оказывают существенное влияние на те процессы, которые происходят в обществе. И разумеется, в государстве. Идеи есть один из способов воздействия на материальную действительность.

В методологическом аспекте заслуживает внимания еще одна сторона идей. Речь идет о том, что идеи рассматриваются в качестве формы или способа познания. Как бы ни пополнялся методологический арсенал современной науки, порой очень сомнительными приемами, пока никто не оспаривает доминирования эмпирической модели теории познания и рационалистической концепции теории познания, а также их сочетания. Выделяют и сугубо индивидуальные познавательные концепции, например: теория И. Канта¹⁰.

В основе эмпирической модели теории познания лежит опыт, конкретные социальные практики. Это если вести речь о социальных науках. Базой для приобретения опыта являются органы чувств. Они поставляют разуму информацию, которую он должен обработать и оценить. В данном случае познавательные способности строго индивидуальны, т.е. зависят от возможностей познающего субъекта.

Вторым источником опыта являются результаты деятельности разума (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия и пр.). Рациональная деятельность сводится к комбинированию материала, поставляемого органами чувств, и не дает принципиально нового знания¹¹.

Анализ есть мысленное расчленение познаваемого объекта познания: устанавливаются его структура и связи между элементами. Синтез представляет собой противоположную комбинацию посредством сведения элементов структуры в единое целое. Аналогия — это способ рассуждения, при котором изучаемому предмету приписываются признаки, которые ранее у него отсутствовали. В данном случае используется сходство с другим явлением, предметом. Аналогия предполагает высокую степень вероятности. Ее используют при вы-

⁹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 53, 54, 55.

¹⁰ Философия. Учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования / под ред. В. Г. Кузнецова [и др.]. М.: Инфра-М, 2010. С. 240.

¹¹ Философия. Учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования... С. 230.

движении гипотез. В основе дедукции лежит логический способ рассуждения, предполагающий отношение логического следования между звеньями цепи умозаключений. Иными словами, из одного высказывания следует другое, причем ситуация, когда одно высказывание является истинным, а второе — ложным, исключена. Индукция также представляет собой логический способ рассуждения, при котором из частного знания получают общее.

Эти понятия, относящиеся к рациональной ступени познания, имеют принципиальное методологическое значение применительно к истории политических и правовых учений. Это не история институтов (государство, право), а история идей. В данном случае изучаются различные теоретические уровни познания государственно-правовых явлений, которые текстуально оформлены. Поздно открытый В. Кожиным М. М. Бахтин полагал: «Текст — первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины. Конгломерат разнородных знаний и методов, называемых филологией, лингвистикой, литературоведением, науковедением и т.п.»¹².

Необходимость научного подхода при работе с текстами породила такую отрасль знания, как герменевтика. Тесно связанная с феноменологией, герменевтика занимается анализом понимания, которое нацелено на постижение смысла. Сам же герменевтический метод нацелен на понимание текста, который формируется в определенной социальной среде. Особое значение приобретает социокультурный аспект.

Рационалистическая концепция теории познания с недоверием относится к чувственным знаниям как основе опытного знания. Чувственные знания — это внутренний мир человека, т.е. субъекта познания, поскольку существуют в его сознании. Знания, полученные при помощи разума, как считают сторонники данного подхода, являются адекватными действительности.

Сам по себе рационалистический подход также не может являться гарантией истинного знания. По всей видимости, только сочетание двух концепций теории познания — эмпирической и рациональной — приближает исследователя к истинному знанию. Но опять же, в современной философии давно уже нет единого понимания истины. Ранее истину дифференцировали на абсолютную и относительную.

Сегодня (при сохранении такой градации) обосновывают несколько версий (моделей) истины.

Данный плюрализм не дает особых поводов для оптимизма. Создается впечатление, что любую информацию, мнение и прочее можно при желании выдать за истину. В информационной политике (или войне), свидетелями которой мы являемся, такой подход не только приемлем, но даже необходим. Прием, когда выдается желаемое за действительное, отлично помогает при формировании общественного мнения.

Иное дело наука, конкретно — история политических и правовых учений. Создатели многочисленных политико-правовых идей не всегда заботились об истинности своих воззрений. Эволюцию человечества характеризуют как смену типов мировоззрений. Есть и такая точка зрения. Но в мире идей (и это следует помнить) никогда не было затишья, мирного сосуществования. На то они и идеи, чтобы конкурировать между собой. Конечный результат и одновременно победа есть подчинение сознания и воли людей. Подчиняете их своим воззрениям — и становитесь подлинным властелином над их душами и умами. Все великие идеи, как правило, первоначально воспринимались как ереси, а с течением времени превращались в догмы. Они начинали жить своей собственной жизнью и уже не зависели от тех, кто их создавал. Современный мир — беспрецедентное поле борьбы. Никаких фантазий больше нет. Если только у романтиков. Однако чувство реальности оставляет все меньше оснований для идеалистических построений.

Определенный интерес представляют учения Дж. Локка, который придерживался эмпиризма, и Г. В. Лейбница, сторонника рационализма, о так называемых врожденных идеях (Р. Декарт). У Локка единственным источником всех идей является опыт. Идеи возникают или вследствие воздействия предметов внешнего мира на органы чувств (идеи ощущения), или вследствие внимания, направленного на состояние и деятельность души (идеи рефлексии). Лейбниц, напротив, отрицал чувственный опыт, утверждал, что источником знания может быть только разум. Душа искони содержит в себе начала различных понятий и положений, которые только пробуждаются внешними объектами¹³.

Что удивительно, эти споры не утихают и сегодня. Однако ранее было четкое деление

¹² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 292.

¹³ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. С. 189, 179.

методологических подходов на эмпирические и рационалистические. Как и на идеалистические и материалистические. Конечно, в той или иной степени они допускали некоторые заимствования друг у друга. Локк, эмпирик и материалист, своими идеями рефлексии делал некоторую уступку идеализму. Равно как и представители конкурирующего направления. Аристотель считал, что посередине взаимоисключающих положений располагается истина. Так ли это? По всей вероятности, нет. В середине располагается проблема. И каждый исследователь по-своему пытается ее решить. А вот успех в конечном счете зависит от того методологического инструментария, который он будет задействовать. Выбор этого методологического арсенала во многом определяется тем, какой версии (теории) познания он придерживается.

Довольно часто историю любой науки сводят к истории методологии, которую она использует. Данный подход на первый взгляд может показаться не вполне аргументированным. В действительности так оно и есть. Объект и предмет науки остаются более-менее постоянными величинами. К примеру, юридические науки в самом широком смысле этого слова изучают право посредством установления причинно-следственных связей между, собственно говоря, государственно-правовыми институтами, с одной стороны, и другими факторами (политическими, экономическими и т.д.) — с другой. Против этого никто особенно не возражает. И все-таки наука, занятая изучением конкретной сферы, развивается прежде всего потому, что она привлекает все новые методы изучения. Именно методологический инструментарий расширяет горизонты любой отрасли научного знания, его познавательных возможностей. *Нельзя говорить о прогрессивном развитии конкретной отрасли научного знания, если та или иная наука не обращается к познанию самой себя.*

Что касается истории методологии юридической науки, то в данном вопросе мы можем наблюдать отсутствие серьезного интереса к собственным методологическим проблемам. Сей факт многократно отмечался многими авторами. Тем не менее положение дел не особенно меняется. Это следует признать. Большинство исследователей нацелены на современность. Со всеми ее быстро меняющимися

составляющими. Мы воистину живем в эпоху перемен. Подобная ориентация вполне оправдана. К тому же методологическая проблематика требует известного академизма. В данном случае обойтись знанием законодательства и практикой его применения вряд ли возможно. Потребуется другие знания, которые в рамках обычного юридического образования получить нельзя. Мало что дает в этом смысле и аспирантура. Подготовить диссертационное исследование и владеть методологией — далеко не одно и то же. И ничего парадоксального в данном положении вещей нет. Все довольно просто объяснимо.

Итак, история науки есть вместе с тем история ее методологического инструментария. На это обстоятельство обращали внимание еще в дореволюционной юридической науке. В каком-то смысле этот период отечественной науки можно, вне всякого сомнения, именовать классическим. Причем без всяких кавычек.

Более ста пятидесяти лет тому назад А. Н. Стоянов написал: «Методика юриспруденции требует от ученого деятеля уважения к тому, что существует на почве народной жизни, теряя из виду возможности связи с всеобщим началом в природе различных юридических установлений. Аналитическая работа юриста должна состоять в строгом, внимательном изучении тех жизненных отношений, которые требуют юридического определения... Узнавши природу известного отношения, легче будет решать, какое именно юридическое начало может быть выведено из всей совокупности этих начал и принято за норму в данном случае... Таков должен быть ход юридического мышления, если метод юриспруденции действительно имеет право называться объективно-диалектическим»¹⁴.

Конечно, рассуждения известного дореволюционного ученого не вполне вписываются в современные представления о методологическом инструментарии юридической науки. В известном смысле данная точка зрения может охватывать не только процесс познания права как таковой, но и применение нормы права к конкретному жизненному случаю. И все-таки для истории политических и правовых учений высказанное мнение не потеряло своей актуальности. До сих пор не утихают споры, имеющие принципиальное, методологическое значе-

¹⁴ Стоянов А. Н. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862. С. 5–9.

ние. Например, идеи возникают сами по себе, они самодостаточны или все-таки производны от иных, отнюдь не идеальных факторов? Методологически мы в данном случае выходим на проблему соотношения идеального (идеи, концепции) и материального (мир, который эти идеи намерены изменить). Не сами по себе, а в качестве инструмента воздействия на сознание и волю людей. Эта проблема по-прежнему носит открытый характер. Нет никаких оснований надеяться на то, что связка «материальное — идеальное» (соответственно, «идея — отношение») когда-нибудь получит свое *методологическое разрешение*. Вопрос заключается в том, чтобы внести в эту проблему ясность. Но ее до сих пор нет. По всей видимости, и не будет.

Возьмем на себя смелость утверждать, что до появления исторического материализма как мощнейшего методологического инструментария, с помощью которого стало возможным наконец объяснить мир, в котором мы живем, идеи рассматривались практически как первопричина всего и вся. Как заложил Платон эту парадигму, так она и существует более двух тысяч лет. Конечно, в истории политических и правовых учений были и те, кто придерживался материалистических убеждений, начиная с Демокрита. Были и те, кто признавал в одинаковой степени влияние идеального и материального на все, что составляет социум со всеми процессами, которые протекают в нем. Тем не менее идеалистический методологический подход явно доминировал. Понятно почему. Некогда религиозное мировоззрение доминировало. Человек мыслил в тех категориях, которые отражены в священных книгах. Он, как правило, прочитать их не мог. В силу этого человек воспринимал мир так, как его объяснял «посредник», то есть священник. Как тут не вспомнить высказывание «Боги обычно говорили то, что хотели услышать от них политики» (П. Ж. Прудон). Да, мы должны признать важнейшую социализирующую функцию религии как определенного типа мировоззрения и социального института. Разумеется, в лице церкви.

С распространением исторического материализма, который традиционно связывается с именами К. Маркса и Ф. Энгельса, соотношение идеального и материального стало совсем другим. Они совершенно обоснованно, в какой-то степени просто железобетонно доказали первичность материальных, прежде всего экономических, процессов производства и обмена по отношению к другим институтам, включая

право и государство. Они были охарактеризованы в качестве *надстроечных* явлений по отношению к *материальному базису*. Скептики слабо возражали в том плане, что «не все определяется экономикой». Конечно, не все. Экономика, а точнее, производительные силы и производственные отношения, в конечном счете определяет все остальные институты. То есть не абсолютно. Классикам, в отличие от их не очень образованных критиков, вообще не была свойственна категоричность. Однако первичность материального по отношению к идеальному не оспаривается. Это достаточно твердая методологическая позиция.

Против этого трудно возражать. Особенно сегодня. Особенно в период санкционного противостояния нашей страны и «коллективного Запада». Природа капитализма (империализм в качестве термина и стадии капитализма были введены в самом начале XX в.) ничуть не изменилась. Свержение неугодных режимов, калькированные (под себя) политические и экономические модели. Система ценностей. А это уже приводит к борьбе, практически войне идей, политических и правовых. Пока мы эту войну несколько проигрываем. Но это тема отдельного разговора.

Применительно к нашей стране, в постсоветский период, «замученные» историческим материализмом авторы, среди которых, естественно, были и юристы, стали активно продвигать идеи методологического плюрализма. И началось. Порой в качестве «новых» методов предлагается такое, что даже не знаешь, как отреагировать.

Конечно, методология и терминология современной юридической науки не стоят на месте. Юридическая наука применительно к проблематике статьи, история политической и правовой мысли постоянно развиваются. Как и методология. Другое дело, что мы можем в данном случае констатировать некоторое отставание методологического инструментария от конкретной отрасли научного знания. Именно отставание. Мы не говорим в данном случае о попытках введения сомнительных «новых методов». Большой методологический потенциал, как представляется, содержат технические науки, естественные. Использование математических методов и вовсе расширяет возможности юридической науки и истории политических и правовых учений как ее составной части.

Есть методология как особая наука. Ее возможностями пользуются различные отрасли на-

учного знания. Однако высказываются мнения, что каждая наука все-таки должна применять собственный методологический инструментарий. На этот счет существуют различные точки зрения. В нашем случае приводить их не совсем целесообразно.

Тем не менее есть основания говорить о том, что только философия (при всей неопределенности ее статуса как науки, искусства, мировоззрения и пр.) каким-то образом «вторгается» в методологию и становится ее частью.

По мнению Д. А. Керимова, философия является теоретико-мировоззренческим и методологическим ядром в системе всеобщих методов познания бытия и уже в силу этого не охватывает методологию полностью, поскольку последняя включает в себя и нефилософскую часть. В силу этого общенаучные понятия и категории имеют не только философский, но и нефилософский характер. На этой основе он приходит к следующему выводу: «...философские категории, имеющие всеобщий характер, нельзя смешивать с общенаучными положениями и методами. Далеко не всякое общенаучное может претендовать на всеобщую значимость. Философские категории являются методологически универсальными средствами, инструментами, методами познания природы, общества и мышления. Общенаучные же положения и методы выступают лишь в качестве обобщения ограниченного типа вещей, явлений и процессов; поэтому их методологическая роль имеет соответствующие пределы применимости. С этой точки зрения, например, общие положения всеобщей теории права и государства или общей теории управления играют методологическую роль в рамках специальных юридических или отраслевых управленческих наук, но не могут претендовать на всеобщую методологическую значимость»¹⁵.

При этом Д. А. Керимов делает примечательную оговорку. Он вовсе не исключает того, что как общая теория права и государства, так и теория управления могут достичь такого уровня научного осмысления своих предметных областей, что в их рамках могут возникать научные категории, которые могут войти в систему методов философии.

От себя добавим следующее. Общая теория права и государства, располагая определенным методологическим потенциалом, способна

создавать не только категории, которые могут войти в систему методов философии, но и общенаучные категории. Исключать ничего нельзя, тем более что современная философия все больше и больше замыкается на субъективно-идеалистическом и, как следствие, занимается «производством» метафизических спекуляций, которым старательно придаются некие «заумные» формы. Этакая философия «не для всех».

Может, оно и хорошо, что не для всех. Чем меньше аутизма в самом широком смысле этого слова, тем лучше. Сегодня, когда вместо реальности обществу стараются навязать некие выгодные кому-то представления о ней, это особенно актуально. Очень важно понимать мир, в котором мы действительно существуем. Довольно нам уже всяких симулякров. Ибо мы придем к тому, к чему давно пришла западная цивилизация. Ж. Бодрийяр констатирует: «Иллюзия больше невозможна, потому что больше невозможна реальность. В этом заключается вся политическая проблема имитации, гиперсимуляции или агрессивной симуляции»¹⁶.

Нам вовсе не нужен тип общества, который описал Ги Дебор — французский философ и художник-авангардист, основатель и теоретик Ситуационистского интернационала («Общество спектакля»). По его мнению, «торжество лжи в мировом масштабе привело к тому, что сам мир превратился в фальшивку»¹⁷.

Имеет смысл подвести некоторые итоги. История политических и правовых учений, как следует из ее предметной области исследования, располагает определенным методологическим потенциалом, иными словами, методологическими основаниями. Попробуем подкрепить данное положение некоторыми аргументами.

Среди тех, кто оставил заметный след в истории политических и правовых учений, мы смело можем назвать имена, которые от методологии отделить просто невозможно. Вот всего лишь краткий список: Платон, Сократ, Монтескье (с оговорками), Кант, Гегель, Маркс. Есть таковые и в XX в. Намеренно не указываем их, поскольку в эпоху методологического плюрализма можно называть всякого более-менее известного мыслителя. Если у него и не было собственного методологического инструментария, то уж на определенный методологический подход он вполне мог претендовать.

¹⁵ Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. М. : Академия, 2007. Т. 1. С. 45–46.

¹⁶ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015. С. 31.

¹⁷ Дебор Ги. Общество спектакля. М. : Олустошитель, 2018. С. 157.

Далее, довольно большая часть авторов признает методологический статус общей теории права и государства. Разумеется, в рамках юридических наук. История политических и правовых учений обосновывается как история теории права и государства. Некоторые ученые полагают, что теория права и государства не целиком является методологической дисциплиной, а только лишь ее часть. И такой составной частью общей теории права и государства является философия права. Еще раз подчеркнем, что это всего лишь одна из

точек зрения, пусть и довольно убедительная. Однако в общественных науках практически нет ничего такого, что нельзя было бы опротестовать, подвергнуть сомнению и т.д. Тем не менее философия как таковая и философия права невероятным количеством нитей связаны с историей политических и правовых учений. Ввиду этого мы можем смело констатировать наличие у истории политических и правовых учений собственных методологических оснований для изучения политико-правовой мысли.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — 423 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. — М. : Постум, 2015. — 240 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
4. Дебор Ги. Общество спектакля. — М. : Опустошитель, 2018. — 220 с.
5. Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. — Т. 1. — М. : Академия, 2007. — 432 с.
6. Поляков А. К. Португалия. Полная история страны. — М. : АСТ, 2021. — 480 с.
7. Стоянов Н. А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. — Харьков, 1862. — 187 с.
8. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. — СПб., 2001. — 543 с.
9. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Политиздат, 1981. — 445 с.
10. Философия. Учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования / под ред. В. Г. Кузнецова. — М. : Инфра-М, 2010. — 519 с.
11. Фролова Е. А. Рациональные основания права. Классика и современность. — М. : Проспект, 2020. — 576 с.
12. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права : в 2 т. — Т. 1. — М. : Изд. бр. Башмаковых, 1911. — 512 с.

Материал поступил в редакцию 7 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Bakhtin MM. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow; 1979. (In Russ.).
2. Baudrillard J. Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum; 2015. (In Russ.).
3. Hegel GVF. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moscow: Mysl Publ.; 1990. (In Russ.).
4. Debord G-E. Obshchestvo spektaklya [The Society of the Spectacle]. Moscow: Opustoshitel Publ.; 2018. (In Russ.).
5. Kerimov DA. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. [Selected works: In 3 vols.]. Vol. 1. Moscow: Academiya Publ.; 2007. (In Russ.).
6. Polyakov AK. Portugaliya. Polnaya istoriya strany [Portugal. The full history of the country]. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.).
7. Stoyanov NA. Metody razrabotki polozhitelnogo prava i obshchestvennoe znachenie yuristov ot glossatorov do kontsa XVIII stoletiya [Methods of developing positive law and the social significance of lawyers from glossators to the end of the 18th century]. Kharkov; 1862. (In Russ.).
8. Trubetskoy EN. Trudy po filosofii prava [Works on the philosophy of law]. St. Petersburg; 2001. (In Russ.).
9. Frolov IT, editor. Filosofskiy slovar [Philosophical Dictionary]. Moscow: Politizdat Publ.; 1981. (In Russ.).
10. Kuznetsov VG, editor. Filosofiya. Uchenie o bytii, poznanii i tsennostyakh chelovecheskogo sushchestvovaniya [Philosophy. The Doctrine of being, cognition and values of human existence]. Moscow: Infra-M Publ.; 2010. (In Russ.).
11. Frolova EA. Ratsionalnye osnovaniya prava. Klassika i sovremennost [Rational grounds of law. Classics and modernity]. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
12. Shershenevich GF. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. [General Theory of Law. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Bashmakovs' Publishing house; 1911. (In Russ.).